

АРИНА ТАРЕЛКИНА

Убийство как по маслу

КРИМИНАЛЬНАЯ

КУХНЯ

Арина Тарелкина
Убийство как по маслу

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тарелкина А.

Убийство как по маслу / А. Тарелкина — «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-110627-0

Кто не мечтает об идеальной жизни? Роскошный дом, заграничные поездки, модная и, кажется, «непыльная» работа – фудблогер. Да и с внешностью все в порядке (хотя кто знает, сколько в нее вложено денег?). Но если уж собственную жизнь не всегда можно назвать идеальной, можно заглянуть за фасад чужой – например, знаменитости нового поколения, законодательницы кулинарной моды, львицы гастрономического мира Арины Тарелкиной. Особенно когда красивая картинка дает трещину, интернет-хейтеры уже не ограничиваются комментариями, и расследование приходится взять на себя.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-110627-0

© Тарелкина А., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	11
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Арина Тарелкина

Убийство как по маслу

© Тарелкина А., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Глава первая

Знакомство

Самолет нырнул в облако, как ложка в молочную пенку капучино. Окутавшие стальную птицу белые хлопья почти не двигались, отчего казалось, что та висит в воздухе, а не летит со скоростью девятьсот километров в час. Лишь редкие просветы, в которые при желании можно разглядеть ровные прямоугольники полей и тонкие нити рек, намекали на изменения за бортом. Лайнер заходил на посадку, о чем капитан судна сообщил пассажирам сразу на трех языках: русском, английском и арабском. Стройные стюардессы с намертво приклеенными к лицу улыбками заструились по салону, вежливо, но настойчиво требуя пристегнуть ремни и отключить электронные устройства.

На мой ноутбук внимания, однако, не обратили: бизнес-классу всегда позволено чуть больше. Но я и сама захлопнула крышку компьютера, следуя раз и навсегда заведенной традиции – время посадки принадлежит творчеству. Творить же я предпочитала на бумаге.

Я достала блокнот и ручку и, используя ноутбук как подставку, принялась набрасывать на линованные листы небрежные закорючки букв. Очень небрежные. Настолько, что, претендую мы со знаменитой курицей на должность каллиграфа, работодатель выбрал бы в итоге ее. Да что там! Уверена, в этой гонке меня даже терапевты районной поликлиники сделают, а всем известно – хуже их пишут только годовалые младенцы, впервые взявшие в руку карандаш. Хотя, случись соревноваться мне с последними, еще неизвестно, за кем будет победа. И все же, несмотря то что иногда на расшифровку записей уходят недели, «думать» я предпочитала на бумаге. Есть в этом своя магия и волшебство: будто сам Бог ведет твоей рукой.

Все рецепты, дизайны и идеи первой видит бумага, которая, как известно, и не такое стерпит. И лишь потом, после тщательного отбора, самые достойные достаивались «оцифровке».

В этот раз на Музу возлагались особые надежды – уж больно непростой виделась задача. Мне нужно придумать добрую сотню вариантов применения в быту фиников. А они, скажу я вам, не картошка. Это с ней, что ни делай, все вкусно. Жарь ее, пеки или вари, режь, толки или три – глазастому корнеплоду хоть бы хны, только вкуснее делается. Финики же плод особый. Да и то, что арабу хорошо, русскому далеко не факт.

Не говоря уже о том, что мало просто сочинить рецепты (эка невидаль), следовало убедить в их съедобности привередливую аудиторию, а также внушить мысль, что не все то золото, что финик.

Мне предстояло продвинуть на российский рынок определенный их вид, побудить своих подписчиков приобретать продукт конкретного производителя. Это обеспечит мне хорошие деньги, приток подписчиков и, чем черт не шутит, покорение иностранного сегмента интернета. Чем я хуже Джейми Оливера?

Жаль только, что сегодня Пегас наотрез отказывался стучать копытом. Вдохновение, мать его, не приходило, хотя, учитывая местонахождение, ему до меня рукой подать. Даже пальто набрасывать необязательно.

Впрочем, неудивительно – всякий раз, когда приходится работать «на заказ», во мне просыпался дух противоречия. Я крайне некстати вспоминаю, что рождена свободным художником и не обязана плясать под чужую дудку. Пусть даже ей и аккомпанирует звон золотых монет.

А может, права Алена и пора нарушить данное себе обещание? Может, следует обмануть фонд? Тогда и не придется возиться с финиками, кондуринами, айсингами и прочими «товарами для раскрутки»?

Мысль эта как пришла, однако так и ушла, гневно изгнанная ввиду ее несостоятельности. Так что давай, Арина, твори. Все у тебя непременно получится.

Итак, как можно применить финики? Конфеты? Вполне. Торты? Тоже пойдет. Пирог? Эмм, нет. Пожалуй, не стоит. Вкус специфический, русскому человеку непривычный. Далеко не все «поймут». Нам же нужно убедить народ в том, что без фиников и десерт не десерт, и салат не торт. Конечно, подсказки имелись – партнеры снабдили целым пакетом рецептов, многие из которых шокировали своей экзотичностью. Их следовало проверить и протестировать. Подозреваю, процентов девяносто отпадет сразу, а остальные придется существенно перерабатывать.

Хорошо еще, что на сделку с совестью идти не нужно – польза продвигаемого продукта доказана и бесспорна. До того как арабам посчастливилось найти в пустыне нефть и превратить свою страну в Эльдorado, основу их рациона составлял именно этот растущий повсеместно плод. Еще лепешки и верблюжье молоко. И ничего – выжили.

Конечно, углеводов там будь здоров – фитоняшки в глубоком обмороке, но мне до них дела нет – не они моя целевая аудитория. Остальным я поведаю про ниацин, рибофламин, пантотеновую кислоту и целых двадцать три аминокислоты, которыми богаты божественные плоды. Так что не так страшен черт, как бухгалтер Светлана на утро после корпоратива, – бог даст прорвемся. Стимул с шестью нулями мне в помощь.

И ведь никакого ущерба для кармы. Народ даже ягоды годжи рекламирует, не боясь адского пламени.

При мысли о преисподней, поделенной на зоны с табличками «Продавцы ягод годжи», «Производители кэроба», «Двигатели БАДов» и «Гомеопаты», на моих губах заиграла улыбка – все же приятно думать, что божественное возмездие достигнет всех, кто зарабатывает на человеческой наивности, невежестве и тщеславии.

Но довольно витать в облаках, пора вернуться к делам земным. Тем более что до буквального возвращения осталось минут двадцать. И тогда жизнь закрутит вихрем, подхватит и понесет в заданном направлении – только успевай уворачиваться от летящих прямо на тебя обломков чужих надежд, мечтаний и верований. Не говоря про тяжелые камни обид, заблуждений и зависти.

Усилим воли вернув внимание ко все еще девственно-чистому листу, я сосредоточилась на новом рецепте – если вдохновение отказывается идти к нам, значит, мы притащим его к себе за волосы.

* * *

Шасси коснулись полосы, самолет вздрогнул, подпрыгнул и снова сел. Раздались жидкие аплодисменты. Интересно, меня одну забавляет эта чисто русская традиция? Нужно как-нибудь почитать и посчитать, сколько авиакатастроф случилось уже после посадки. Хотя и без «Гугла» ясно – немало. Будто хлопок ладошки о ладошку может стать оберегом от технических неисправностей и ошибок пилотирования. Дескать, задобрим Бога аплодисментами, и он защитит лайнер от возгорания, выкатывания за полосу и столкновений с другими воздушными судами. Впрочем, сдается мне, те, кто сейчас воображает себя зрителями в театре, вряд ли понимают, к чему им эти телодвижения. Привычка, дань традиции, стадное чувство – вот лишь несколько из возможных объяснений.

Самолет между тем пристыковался к телескопическому трапу и остановился. Любезно улыбаясь, стюардессы вежливо напомнили пассажирам о необходимости оставаться на своих местах, пока не будет получена иная команда. С таким же успехом они могли упрашивать аборигенов не есть Кука. Уровень понимания русской речи в обоих случаях примерно одинаков (даром что 90 процентов пассажиров мои соотечественники), а что до правосознания, то оно у дикарей и вовсе на порядок выше. По крайней мере, собственным законам они подчинились беспрекословно.

Не считите меня снобом (впрочем, можете считать – переживу), но в огромном списке вещей, за которые я благодарна вселенной, одно из главных мест занимает возможность самостоятельно определять круг общения и контактов. В этом смысле я удивительно счастливый человек. Согласитесь, подобное доступно не всем. Даже очень богатые люди (и они в первую очередь) как минимум вынуждены терпеть эксцентричных партнеров по бизнесу и зарвавшихся чиновников. Менеджеры низшего, среднего и самого что ни на есть высокого звена подвержены перепадам настроения начальства, гормональным всплескам коллег и капризам клиентов. Учителя, врачи, продавцы – про этих и говорить нечего. Что до меня, то мне повезло относиться к редкой породе независимых людей. Насколько это вообще возможно для членов социума. Свободнее только отшельники в пустыне. А все потому, что я блогер. Кулинарный. Это значит, что большинство моих друзей и врагов обитает в виртуальном мире, который, в отличие от реального, можно «включать» и «выключать» по своему усмотрению. Пуская, таким образом, в жизнь ровно то количество позитива и негатива, которое считаешь нужным.

Конечно, у меня есть команда, но она создана мной, мне же и подчиняется. С большинством ее членов общение носит либо виртуальный, либо опосредованный (через помощницу) характер. Одним словом, с кем хочу, с тем и тру – слова, дела и морковь.

Годы затворничества сделали из меня социопата в легкой форме – любое соприкосновение с реальными людьми оборачивается нервным зудом и желанием взять в руки пулемет. А лучше приобрести танк или истребитель. Благо деньги позволяют сделать и то и другое.

Я сто лет не летала экономклассом, не спускалась в метро, не знаю, как теперь выглядит изнутри автобус, троллейбус и трамвай. Я игнорирую гламурные мероприятия, не признаю участие в ток-шоу (даже ради повышения рейтинга своего канала), отказываюсь от интервью и не хожу на свидания. Если мне приходится выбираться из своей норки (хотя, учитывая ее размеры, скорее уж норы), селюсь в особняком стоящих домах с прислугой-призраком или президентских люксах.

Бизнес-класс – это не только шампанское и бутерброды с икрой. Это (что гораздо важнее) – возможность ступить на борт последним и покинуть его первым. Преимущество, которое мизантропы вроде меня не могут не оценить по достоинству. В случае международных перелетов это еще и быстрое прохождение паспортного контроля. В России это экономит тебе внушительное число минут и неисчисляемое количество нервных клеток – нигде в мире не относятся к возвращающимся из-за границы гражданам так недоверчиво. Честное слово, пока паспортист с каменным лицом всматривается в экран компьютера, изучая только ему видную информацию, перед твоими глазами проносится вся жизнь. Ты вспоминаешь и разбитую в детском саду банку варенья (мать до сих пор про нее не знает, а таможенник наверняка в курсе), и выкуренную в восьмом классе сигарету, и экспериментальный поцелуй с одноклассницей. И пусть вам обеим не понравилось, поди докажи теперь это нетолерантной Родине.

Статус VIP хоть и не освобождает от подобного «удовольствия» полностью, все же делает его менее болезненным, что ли. Всем «ВИПам» контролеры хотя бы пытаются улыбаться. С непривычки получается плохо – годами свернутые в куриную попу губы отказываются растягиваться в улыбку, но хотя бы дрожат в слабой попытке. Отчего-то от этого неприятная процедура кажется менее неприятной. Ну, это примерно как если бы вы попали под машину, и уже в больнице узнали, что сбила вас не раздолбанная «шестерка», а элегантный «Бентли». Мелочь, а приятно.

* * *

– Ты видела статистику просмотров последнего видео?

– За что люблю Алену (в том числе), так это за отсутствие склонности к сантиментам. Моя школа. Не успела я примостить тушку на кожаные сиденья представительского «Иерса», как она включилась в работу.

– Видела, конечно.

– Круто, скажи?

Я пожала плечами.

– Арин, ну, брось! Ну, правда же, классно. Признай хоть раз, от тебя не убудет.

– У Джейми Оливера больше.

– Ну, понеслась, – Алена закатила глаза. – Сравнила тоже... Да-да-да, – предвосхищая мои возражения, она выставила вперед правую руку. – Все знаю. Мы не хуже, нужно стремиться к лучшему, мы достойны мирового уровня, у нас огромная страна, не говоря уже о постсоветском пространстве, кто верит, тот добьется... Все знаю и верю в благополучный исход, но разве нельзя порадоваться промежуточному успеху? Такой отклик! И это при том, что ты отказываешься участвовать в раскрутке канала! Показатели были бы куда выше, прими ты предложения Андрея Плахова. Хотя раз засветишься на «Давайте обсудим», и возрастные тетки к нам волной хлынут. Ведь сколько раз звонили из редакции. Все-все-все! Прости, – Арина решила не дожидаться неизбежной отповеди и сдала назад.

– Ладно, – нехотя произнесла я, – вы действительно молодцы. Выпиши ребятам премию. И себя не забудь.

– Ой, да разве в деньгах дело, – помощница скисла, как забытое на столе молоко.

– В них, дорогуша. Дело всегда в них. Поди спроси у сотрудников, что они предпочтут: самые горячие слова благодарности или материальное поощрение? Уверена, ответ ты и сама знаешь.

– Знаю, но почему нельзя не вместо, а вместе? Так сложно сказать им пару теплых слов? О том, что ты... Ну, не знаю, довольна результатом и...

– И всю ночь проплакала в подушку от умиления. Не сомневаюсь, ты уже и сама им это передала.

– Я-то передала, но они предпочли бы от тебя послушать. С твоим-то красноречием!

– Ален, не заставляй меня включать «Дьявол носит Прада». Ок? Давай перейдем к текущим делам, а доморощенной психотерапией займемся как-нибудь в другой раз. И я тебя добром прошу – завязывай ты с Бобковским. Сколько раз говорила – он шарлатан, похлеще Калеостро. Не читай, не слушай, не смотри. Лучше найди нормального доктора с дипломом, если тебе так нейдет мозги чайной ложкой ковырять, и пусть он копается. Только, чур, – исключительно в твоих. Мои лучше не трогать. Они так заминированы, что любое неосторожное движение – и я овощ. Оно нам надо? Итак, – я решила, что на сегодня лирических отступлений достаточно, – что там с тортом «Черная мамба»? Шоколадные бисквиты готовы?

– Да, конечно.

– Как положено? Без «шапочки»?

– Обижаешь.

– Ок. Собран?

– Нет еще, но Анна обещала успеть к нашему приезду.

– Очень надеюсь. Мое время стоит дорого...

– Знаю, знаю. Арин, кому ты рассказываешь?

И правда, что это я? Но ведь горбатого могила исправит. Конечно, мне известно, что Аленка сделает все в лучшем виде: проконтролирует, чтобы Анька не запоролла бисквиты, приготовит продукты на крем, даст нашему кондитеру «волшебный пендель». Можно не сомневаться, что к тому времени, когда Стас прокричит «камера, мотор» (ненужный, но обязательный ритуал), все будет идеально подготовлено.

Это раньше нам приходилось тратить по десять-двенадцать часов на съемки одного полу-часового видео. Тогда все делалось в реальном времени, загубленные коржи пеклись заново, свернувшийся по недогляду крем бесконечно переделывался. По сто раз мне приходилось расчехлять миксер, скрещивать узкие лопатки, вязать узлы на фартуке, поправлять воображаемый поварской колпак, засучивать рукава и начинать все сначала.

Удивляюсь даже, как это съемочная группа не поправилась до ста килограммов на брата – кривых коржей и неидеальных кремов съели они немерено. Не иначе как калории сжигались нервными клетками. Равновесие жиров и углеводов с кортизолом и адреналином как оно есть.

Благо сегодня все иначе – алгоритм отработан и продуман до мелочей. Я только придумываю или нахожу старинные рецепты. А затем на камеру делаю вид, что готовлю. И не нужно думать, будто это обман. С таким же успехом можно назвать мошенником дирижера, руководящего оркестром. Казалось бы, стоит себе палкой машет, основную-то работу скрипачи да трубачи выполняют. Ну, еще, может, вон та тетушка в длинном платье с альтином да парень во фраке за фортепьяно. А поди ж ты – вся слава и почет ему, человеку с палочкой.

В моем оркестре каждый «кларнет» на своем месте: Стас выставляет свет, снимает и монтирует, Анна печет и собирает торты, Степан отвечает за ютуб-канал – все эти трафики и просмотры лежат на его узких айтишных плечах. А я... Я работаю лицом, порхаю бабочкой по экрану, исполняю танец рук, ног и живота. Ладно, животом, положим, не танцую, ибо нечем, но всем остальным играю знатно. Подозреваю, в своей прошлой жизни была Сарой Бернар или Верой Холодной, на худой конец. Кстати, о холодном – неплохо бы записать рецепт финикового мороженого – летом идет на ура! Я тут же достала блокнот и, найдя раздел «Идеи», сделала соответствующую пометку.

– Ален, ты купила мне новую записную книжку? – перебор страниц перед носом помощницы продемонстрировал – чистых почти не осталось.

– Да, конечно, – девушка потянулась к сумке, но была остановлена царственным жестом. – Не сейчас, дома отдашь. Мне нужно еще пересмотреть этот блокнот, отметить то, что заслуживает внимания, вычеркнуть исполненное или то, о чем можно забыть, и только потом...

– Арин, ну ты бы хоть попробовала электронный дневник, а, – в голосе Алены слышалась мольба. Всякий раз, когда ей предстояло разбирать мои каракули, она заводила одну и ту же песню. Даже не представляю зачем – знает ведь, что бесполезно. Словно прочитав мои мысли, помощница вздохнула и проговорила обиженно:

– Да ладно. Это я так.

– Вот и славно, умная девочка. Есть еще что-то, о чем мне следует знать? Что Доброхотова?

– Наступает на пятки. Пока у нее просмотров меньше, чем у нас, но разрыв незначительный. А вообще, ты отсутствовала двадцать часов, шестнадцать из которых мы были на связи. Как думаешь, что могло произойти за проведенные тобой в воздухе двести сорок минут?

– Все, что угодно, вплоть до ядерной войны. Но я рада, что у вас все нормально.

– У нас все нормально. Выдохни уже. Расслабься.

Я усмехнулась. Будто это легко. Расслаблюсь, конечно, непременно и обязательно. Вечером с бокалом сухого и неизменной сырно-фруктовой тарелкой. Примерно минут на двадцать, чтобы потом снова планировать, выполнять, контролировать. Непременно и обязательно контролировать. Контроль – мой способ держаться на плаву, мириться с действительностью, создавать иллюзию управления ею.

Глава вторая

Мы ушли туда, где много одуванчиков

Профессионализм не пропьешь. А Татьяна и не пыталась – так что ей удалось сотворить чудо и превратить уставшую, не очень молодую, потрепанную жизнью и Аэрофлотом пассажирку в прекрасную амазонку.

– Синяки под глазами замажь, – я была бы не я, если бы не поставила «галочку» в графе «дать указания помощникам».

– Непременно.

Хороший сотрудник (во всяком случае, в моем представлении) всегда делает вид, что бесконечно ценит рекомендации руководителя. Даже если тот учит его ложку в руке держать.

– И хайлатера добавь, но не перестарайся – не хватало еще блеснуть на экране новогодней гирляндой.

– Добавлю в меру, – Таня и бровью нарисованной не повела. Штирлиц на допросе у Мюллера и тот больше эмоций выказывал. Мне бы отстать, но Остапа уже понесло.

– Морщинки замажь, губы не слишком ярко – я не Мэрилин Монро, стрелки не надо, они уменьшают глаза. Волосы в хвост, челку убери, скулы подчеркни, – приказы сыпались горохом из порванного мешка.

Нравится ли мне эта роль строгой хозяйки Медной горы? Не знаю... Но я так в нее вжилась, настолько вросла корнями, что иной себя и не помню. Когда-то и я была веселой и легкой, слегка ироничной, но не «ядовитой», приятной в общении и во всех отношениях. Когда-то очень давно, до...

Решительно мотнув головой, отгоняя неприятные воспоминания, я чуть не превратила себя в Джокера. И только опыт и профессионализм визажистки, успевшей вовремя убрать руку с зажатой в пальцах помадой, помогли избежать трансформации человека в героя комикса.

– Ну, кажется, вполне неплохо, – заявила она через минуту, взглядом художника оценив созданное ею творение.

– Великолепно, – поправила я, растягивая губы в широкой улыбке. – Ну, что, ребята, шоу маст гоу он? Камера, мотор, поехали!

* * *

Привычка – вторая натура. Вы замечали, что день большинства из нас подчинен раз и навсегда заведенному сценарию? Мы встаем в одно и то же время, выполняем одни и те же утренние ритуалы (у кого какие), едим один и тот же завтрак, отправляемся на одну и ту же работу и остро завидуем тем, кто, как нам кажется, сумел разорвать порочный круг и чья жизнь – череда путешествий, ярких встреч и дегустаций новых блюд.

Так вот, у меня для вас, друзья мои, печальные новости – ваши кумиры тоже жертвы привычек. Только своих. Они тоже выполняют одни и те же действия день за днем: посещают одинаковые тусовки, раз за разом опаздывают на самолет, забывают паспорта дома, предаются безудержному шопингу и так далее.

Никогда не завидуйте богатым и знаменитым. Многие из них, даже если делают вид, что бесконечно счастливы, нередко мечтают о том же, о чем и вы, – забить на рутину и в корне изменить свою жизнь, уехав на Гоа выращивать кокос или под Смоленск капусту.

Взять, к примеру, Андрюшу Плахова – моего некогда друга. Кумира всех, «кому за», ведущего самого крутого ток-шоу страны, человека, чей гонорар за ведение корпоративов

сопоставим с годовым бюджетом небольшой европейской страны. Причем очереди из потенциальных заказчиков сам дедушка Ленин позавидовал бы – к его мавзолею и то меньше. Думаете, Андрюша счастлив? Наверняка именно так и думаете, да сильно ошибаетесь.

Да и с чего ему быть довольным? Ты попробуй десять лет снимай скандальное ток-шоу о людях, чьи проблемы относятся к тебе, как к Волочковой торт со взбитыми сливками. И пусть руководители каналов сражаются за право тобой обладать, а зрители шлют консервированные огурцы на адрес «Останкино». Андрюше Плахову», в душе ты мечтаешь, что когда-нибудь разобьешь эту банку о камеру, а лучше о голову редактора, сорвешь с шеи галстук-бабочку, скинешь фрак и все остальное и как есть голышом умчишься в даль светлую. Чтобы не быть рабом славы, денег и когда-то заведенной привычки полоскать чужое грязное белье на потеху не очень почтенной публики.

И не подумайте, будто это мои фантазии, – в те далекие дни, когда рубль не пробивал собою дно, а пенсионный возраст стратосферу, мы пили с Андрюшкой кое-что покрепче чая и пьяно плакали друг другу в жилетку. Так что я знаю, о чем говорю.

Но все мы рабы своих привычек, поэтому Андрей по-прежнему трудится прачкой, а я, отгородившись от мира, последние лет семь провожу свои вечера скучно-однообразно: ем фруктовый салат и пью сухое.

В тот вечер на большом (не театре, а экране), как обычно, давали Плахова с его «Давайте обсудим». Не то чтобы я смотрела его регулярно. Но те передачи, в которых на свет божий вытаскивали мое не совсем чистое ланжери и трясли им перед носом зрителей, не пропускала.

Успела я вовремя – аккурат к заставке:

«Вдова скандально известного олигарха (ну, тут он приврал, Влад, конечно, был богат, но до олигарха не дотягивал), ныне популярный кулинарный блогер с десятками миллионов подписчиков (твои бы слова, Андрей, да Богу в уши), вновь в центре скандала (удивил тоже). Кондитеры обвиняют ее в краже рецептов (а вот это что-то новенькое), а родная свекровь в убийстве сына (аж скучно). Кто же она? Жертва абьюза или расчетливая стерва, не останавливающаяся ни перед чем на пути к богатству, славе и успеху?»

На экране замелькали кадры, призванные настроить зрителей на нужный лад, – снимки с изображением маленького Влада, наши с ним свадебные фотографии и даже кадр с похорон показали – не постеснялись. Гад ты все-таки, Плахов, а я тебя еще тирамису кормила.

– Ну, и зачем ты это смотришь? – Алена умела подкрадываться незаметно.

Я пожала плечами.

– Почему нет? Всегда нужно знать, что враг готовит. А то потом несварения не избежать. Так я хоть мезимчика заранее выпью, ферменты приму.

– Будто и так не знаешь, что будет. Сейчас выйдет экс-свекровь, пустит слезу, изобразит обморок, расскажет миру, чем для нее был сын, покажет его школьные фотографии, поведаст, как он скворечники мастерил и старушек через дорогу переводил. Потом обвинит тебя в сговоре с Гитлером, Сталиным и Чингисханом, намекнет, а может, прямо скажет, что свои супы ты готовишь из новорожденных младенцев, а в торты добавляешь слезы замученных единорогов. Потому твои блюда такие вкусные. Затем зрителям покажут убогую однокомнатную хрущевку, в которой вынужден ютиться старый больной человек, явивший миру святого Владислава и научивший его зарабатывать миллиарды, прибранные к рукам коварной невесткой. Скажи, почему ты все это терпишь?

Помните, я говорила, что все мы рабы привычек? Так вот речь ведь не только о бытовых. Куда хуже то, что мыслим, чувствуем и говорим мы тоже, как правило, одинаково.

Алена не нуждалась в ответе на заданный вопрос – ей все давно и хорошо известно. Но ведь и у меня не было необходимости повторять одно и то же в тысячный раз. И все равно я радостно попала за дискуссионный крючок.

– А смысл? Ты когда-нибудь видела, чтобы подобные ток-шоу заканчивались компромиссом? Чтобы стороны поняли друг друга или хотя бы попытались? Цель подобных передач потешить публику, а для этого у меня есть свой ютуб-канал. Большого не надо.

– Да, но сейчас ты выглядишь как минимум высокомерной тварью, не желающей снизить до объяснений.

– Так и есть. Но что с того? Это влияет негативно на наши рейтинги?

– Нет, но...

– Интерес публики и так подогревается. «Мне нужно, чтобы обо мне говорили. Пусть даже хорошо». Чьи это слова? Дали, кажется. Пусть говорят – нам только на руку, число подписчиков-то растет.

– Растет-то растет, только Степка замучился комменты чистить. Ты не представляешь, сколько грязи выливается после этих передач. Мерзость жуткая!

И снова равнодушное пожатие плечами. Комментарии я никогда не читаю. Принципиально. Есть, конечно, такие социопаты, которые в сети тамадят, но я не из их числа. Мне что виртуальное общение, что реальное – чем меньше, тем лучше. Странноватая позиция для человека с огромным числом подписчиков, не правда ли? Вот и мой психоаналитик так говорил, пока не был уволен.

Но для общения с фанатами и всеми прочими есть администраторы. Это они следят за лентой, поощряют особенно восторженных и наказывают чрезмерно буйных. Я свою психику и биополе берегу. Границы давно очертила, часовых расставила, замки повесила – ни один враг не пройдет. Вот для «Давайте обсудим» делаю исключение. По старой с Андрюшей дружбе. К тому же он сюрприз обещал. Не могу пропустить такое.

И Плахов мои ожидания не обманул. На этот раз вытащил на свет божий двух замусоленных теток, объявил их главными кондитерами всея Руси и дал слово молвить.

Тетки не подкачали. Давясь слезами и захлебываясь возмущением, поведали, что сами они не местные, всю жизнь положили на алтарь бога тортов и пирожных, денно и ночью сочиняли рецепты «Наполеонов» и «Медовиков», всю душу в них вложили, чтобы я потом коварно присвоила и объявила своими. Несчастные были весьма убедительны. Во всяком случае, выглядели как современницы Александра I, так что чем черт не шутит, может, и впрямь сочинили рецепты, которые я в своем блоге семейными представила. Поди узнай теперь.

– И что будешь делать? – Алена подлила в чашку облепихового чая – сегодня я изменила традиции, и предпочла его вину.

– Как обычно, ничего. Ну, не в суд же на этих убогих подавать.

– Нет, мать, ты все-таки святая!

– Я практичная, – на моем лице появилась блаженная улыбка. – И потом, мне ли жаловаться? Ты посмотри, как я живу! – я повела рукой перед собой, будто и впрямь приглашая Алену в путешествие по царским хоромам. Словно она что-то в нашем доме не видела.

Впрочем, на такую красоту смотреть можно сколько угодно – не надоест.

Особняк достался мне от мужа. Кому-то могло показаться, будто трехэтажная громадина крупновата для бездетной пары, но только не Владу. И не потому, что он планировал обзавестись целым выводком детей (как раз наоборот), а потому, что эго моего ныне покойного супруга с трудом даже в этом дворце помещалось, и когда речь шла о его удовлетворении, все остальные вопросы отходили на второй план. Владу было все равно, во сколько нам встанет ежемесячное содержание недвижимости. Его не интересовал ни размер налогов, ни неизбежные и регулярные траты на текущий и капитальный, плановый и экстренный ремонты.

После смерти мужа я хотела избавиться от дома и купить себе хибарку попроще, но выяснилось, что подобные особняки – совершеннейший неликвид, продать их можно исключительно за копейки – слишком уж много души и своего представления о прекрасном вложил хозяин в родовое гнездо. Больно уж нестандартным оно оказалось. Интерьеры с лепниной и

золотыми барельефами могли понравиться лишь таким же повернутым на себе эгоцентрикам и, хотя недостатка в них на просторах русских не наблюдалось, юродивые с деньгами предпочитали воплощать в жизнь свои сумасшедшие фантазии, а не оплачивать чужие.

«Сломав» штук пять риелторов и дав себе обещание построить домик в Италии и туда перебраться, я в итоге успокоилась. С той поры уж немало лет минуло, а озеро Комо так меня и не дождалось. Благо прочие наши соотечественники так густо его заселили, что сегодня русская речь звучит на берегах водной жемчужины куда чаще итальянской.

Со временем мне удалось примириться и с массивными львами в холле, и с «фамильными гербами» в гостиной, и даже со златовласыми купидонами в ванной. А зеркальный потолок так и вовсе удалось полюбить. Благодаря этому чуду дизайнерской мысли ни одна ямка целлюлита не коснется моих бедер, ведь стоит только намеку на жирок появиться на теле, как к тем пятнадцати километрам, что я пробегаю каждое утро, прибавляются еще пять, а фруктовый салат на ужин заменяет вода с лимонным соком. И все – несколько дней в таком режиме, и мне снова сверху соблазнительно улыбается восхитительная женщина, жир на талии которой даже не ночевал.

Итак, меня уже больше не смущали ни массивные колонны, подпирающие балкон на линии второго этажа, ни героического вида атланты, удерживающие своды холла, ни огромная люстра, одна способная поднять всю экономику Чехии. Во всяком случае, подозреваю, производитель хрусталя вполне мог приобрести на вырученные с ее продажи деньги домик (домище) в предместьях Парижа.

Мебель в стиле Людовика XIV или пятнадцатого (я как-то в Людовиках не сильна), ковры ручной работы, стоимость которых намекает, что в их производстве как минимум Тереза Мэй участвовала, антикварный хрусталь и фарфор – со всем этим я со временем свыклась и даже приучила себя к мысли, что люблю.

Единственным, что вызывало у меня тоску и боль, лишало временами сна и покоя и заставляло вжимать голову в плечи, по-прежнему оставалась библиотека. Размером и содержанием сопоставимая, если не превосходящая, книгохранилища старинных английских замков, она наводила тоску своей ненужностью, невостребованностью, нетронутостью.

По моему глубокому убеждению, в доме книг должна кипеть жизнь, а не гулять ветер. Впрочем, мою даже легкий сквозняк не трогал. И все же всякий раз, когда я заходила туда, чтобы отыскать тот или иной кулинарный альбом, по спине бежал холодок. Я даже не могла сравнить библиотеку с кладбищем, ведь на погосте хотя бы перешептываются ветвями деревья и щебечут птицы. Ну, и цыгане ходят.

В моем же хранилище книг всегда царит мертвецкая тишина. Хотела сказать, как в морге, но и там больше жизни. В конце концов, покойников патологоанатомы навещают.

Влад читать не любил. Он, в принципе, чужое мнение не уважал и с ним никогда не считался. «Скажи, чему меня научат твои писатели?» – говаривал, бывало, он, пускаясь в пространные рассуждения о том, что большинство классических авторов своей биографией доказали, что не имеют права считаться моральными авторитетами. «Толстой этот ваш. Про семейные ценности писал, морализатор хренов, а сам жене направо и налево изменял. Попил из нее кровушки, что тот Дракула. А Достоевский?! Христианские ценности, бла-бла-бла, а сам игрок заядлый. Про Есенина с Маяковским и говорить нечего – пробы ставить негде».

Но особенно Влада возмущал Набоков. «Сама подумай. Лолита – это гимн педофилии. Сегодня за такое сажают. И правильно делают. А вы читаете, восхищаетесь, фильмы снимаете».

Кто были те таинственные «мы», я предпочитала не уточнять. И вообще не спорить – чревато.

Итак, литературу мой покойный ныне супруг не любил, но книги в доме держал. В огромном количестве. Противоречия в этом не видел. Просто раз по канонам классического дизайна в интерьере должна быть библиотека, значит, пусть будет. Самая большая и лучшая.

Я же испытывала практически физическую боль, проходя мимо этого кладбища человеческой мысли. Ладно антиквариат. Его корешков хоть когда-то касались руки людей. Тонкий нож разрезал страницы, чьи-то пальцы загибали уголки, карандаш подчеркивал строчки для запоминания. Но ведь, помимо солидных старых матрон, в нашей библиотеке полно книг-девственниц. Тех, кто так ни разу и не был раскрыт даже на первой странице. Да, конечно, время от времени представители клининговой компании вытряхивали из них пыль, бесцеремонно проходились по позолоте витиеватых букв метелкой или пылесосом, но разве это считается?

С другой стороны, что тут можно поделывать? Мне не под силу изменить ситуацию – увы, я просто физически не могла уделить время каждому фолианту, ограничивалась самыми любимыми и необходимыми. К первым относились произведения Остин и Чехова, ко вторым Похлебкина и Белоцерковской.

Не могла я и избавиться от библиотеки. Сами посудите, как это сделать? Сжечь книги? Отдать в дар тем, кто в них нуждается? Покажите мне таких людей – с удовольствием посмотрю на тех, кто кушать не может, так мечтает прочесть полное собрание сочинений Ницше, Канта, Пруста и Кафки. Причем в оригинале. Да и за Достоевским с Толстым, давайте честно, очередь из желающих не выстроится. Районная библиотека попросту не вместит такое количество книг. Площадей не хватит, да и там великие произведения наверняка будут скучать в одиночестве.

Смириться и забить тоже не очень получалось. Я, конечно, задвинула мысли о проблеме на задворки сознания, но все равно, всякий раз, идя мимо книгохранилища, физически ощущаю сжимающееся в тоске сердце. Мне иногда даже слышится укоризненный шелест страниц и перешептывание скучающих без читателя героев.

Но что-то я отвлеклась. Начинала ведь с привычек, которые вторая натура. Так вот. Пожалуй, трудно найти в мире человека, который был бы их большим рабом, чем я. Несмотря на внешнюю активность, которая так привлекает моих подписчиков. Со стороны жизнь моя – фонтан ярких и непредсказуемых событий. Перелеты, путешествия, переговоры, встречи. Но за всем этим стоит до одури рутинная работа. И, поверьте, бесконечные аэропорты могут выматывать не меньше, если не больше, чем офис с восьми до пяти.

Нет, я не жалуясь. Как и у моих поклонников, это мой собственный выбор. Но, в отличие от них, я это понимаю, признаю и получаю удовольствие, а не терзаюсь надуманными переживаниями о бесцельно проживаемых годах, не ищу гуру в сети и за ее пределами, не скачу с тренинга на тренинг в надежде обрести смысл существования. Я давно смирилась с его отсутствием и научилась находить удовольствие в простых и понятных вещах: морепродуктах, бокале белого, приятном разговоре с подругой. Кажется, это называется «быть в моменте», находиться здесь и сейчас. По мне же, банальная гармония, понимание временности бытия, быстротечности нашего на Земле существования. Жизнь слишком коротка, чтобы подвергаться меланхолии. Глупо, расточительно и нерационально тратить отпущенный нам срок на поиски несуществующего смысла.

Вместо этого куда лучше бросить в кастрюльку горсть замороженной облепихи, натереть на терке «мизинчик» имбиря, тонко покрошить яблочко, добавить ломтик лимона и пару кружков апельсина, приправить все корицей, подсластить ложкой меда (а лучше двумя), залить водой и отправить на огонь. Довести до кипения, накрыть крышкой и дать фруктам настояться минут пять-десять. За это время они отдадут свой вкус и аромат воде, превратив ее в райскую амброзию. А дальше по обстоятельствам. Если за окном бушует выюга или льет проливной дождь, надеваем на ноги домашние сапожки или пуховые носки (совсем на крайний случай сойдут махровые), укутываемся в плюшевый плед и пьем облепиховый чай из пузатой кружки, обхватив ее озябшими пальцами. На случай, если в доме тепло, студим предварительно руки, высунув из окна или засунув на пару минут в морозилку. Шутка. А вот совет забраться с ногами на диван или, в идеале, в кресло-качалку с любимым детективом или любов-

ным романом совсем не шуточный. Впрочем, сойдет и Макиавелли, если вы относитесь к его почитателям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.